

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

**ПЕТЕРБУРГСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**

**St.Petersburg Journal
of Oriental Studies**

**выпуск 5
volume 5**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1994

Легенда Азиатского музея

А. А. Долинина

(Санкт-Петербургский государственный университет)

В каждом творческом коллективе с многолетним более или менее постоянным составом за годы его существования складывается свой фольклор — анекдоты, рассказы о действительных событиях, возникающие на их основе мифы и легенды. Кое-что сохраняется в записи, но записи эти, как правило, не комментируются вовремя, поэтому доходящие до потомков тексты, к сожалению, не всегда полностью понятны — а ведь это история, сцепление событий, характеров, взаимоотношений...

Свой фольклор складывался, разумеется, и в Азиатском музее в блестящую его пору, когда возглавлял его С. Ф. Ольденбург, старшим хранителем был Ф. А. Розенберг, а работали в нем совсем еще не старые В. М. Алексеев, Б. Я. Владимирцов, И. Ю. Крачковский и их вовсе уж юные ученики Б. А. Васильев, Ю. К. Щуцкий, В. А. Эберман, Н. Н. Поппе и другие.

Начало двадцатых годов. Время голодное и беспокойное, но ежедневное соприкосновение с непреходящими ценностями великой культуры прошлого, труд бок о бок с единомышленниками, друзьями, поддерживали силы и бодрость духа, что отразилось, помимо написанных тогда научных трудов, именно в шуточном фольклоре, в неофициальных вечерах так называемой "Малой академии" ("Малак"), на которых, вперемежку с музыкой, стихами, переводами, живыми картинами, этот фольклор и звучал. Кое-что из тех шуточно-пародийных текстов сохранилось в архиве И. Ю. Крачковского, больше — в архиве В. М. Алексеева: он был автором многих из них и постоянным участником собраний Малак.

Нет нужды подробно рассказывать здесь об этих собраниях — они, равно как и среда, в которой они происходили, обстоятельно описаны в статьях М. В. Баньковской¹, дочери В. М. Алексеева, наследницы его архива. Я позволю себе привести здесь только не публиковавшийся ранее отрывок из воспоминаний В. А. Крачковской, изображающий одно такое собрание; названные ею имена некоторых участников собрания будут откомментированы позднее.

"11 января [1922г.]² состоялась довольно многолюдная вечеринка в складчину у Эберманов. Состав участников был для нас не совсем обычный; программа развлечений обширна и разнообразна. За чайным столом великолепно декламировал В. М. Алексеев, от него не отставал А. А. Эберман, в четыре руки играли Е. Э. Бертельс и Ю. К. Щуцкий. Были поставлены две небольшие живые картины. Одна в стиле персидской миниатюры. В роли принца, изумленно выглядывающего

из окна на красавицу внизу, был Вася Эберман в купальном халате. Мне пришлось соорудить ему пышный тюрбан из полотенца. Забавнее всего была сцена "Отроки вавилонские в печи", каковых изображали Ю. К. Щуцкий и Б. А. Васильев — китаисты, талантливые ученики В. М. Алексеева. В образе ангела-избавителя предстал весьма комичный, закутанный в простыню долговзый Н. Н. Поппе, монголист, ученик Б. Я. Владимирцова. Как раз на этом вечере была прочтена Васильевым знаменитая "Легенда" (СПФ Архива РАН, ф.1026, оп.7, № 28, л.8).

"Легенда" названа в воспоминаниях "знаменитой", надо полагать, потому, что И. Ю. Крачковский помянул ее в своей когда-то очень популярной мемуарной книге "Над арабскими рукописями":

"...вероятно, не я один с особым чувством вспоминаю "легенду" об Азиатском музее, сложившуюся в его недрах в 20-х годах. Действие ее происходило в царстве короля "добророго Бука", в замке рыцаря "Розовая гора"; жили там и добрый волшебник — сарацин, и суровый Питер-Фламандец, было там целых три трубадура: Жюль — *Aux cheveux longs* (длинноволосый), Бус — *Aux cheveux blancs* (светловолосый) и Дус — *Aux cheveux noirs* (черноволосый); был даже жонглер Алексис Ле Беф и много, много других... Каждый из них и сегодня видится мне на фоне все тех же красных шкафов, тех же книг и рукописей, что десятки лет окружали нас в старом Азиатском музее" (Избр. соч., т. 1, с. 66—67).

Лаконичность и зашифрованность этого ностальгического эскиза, надо думать, обусловлена тем, что, когда писалась книга, настоящих имен главных героев легенды, трубадуров, упоминать было нельзя: все трое в 30-х годах были репрессированы и погибли.

Автором легенды считается китаист Б. А. Васильев (именующийся в легенде трубадуром Бусом), который и читал ее на вечере. А. А. Быков в своем устном комментарии (см. прим. 3) говорит, что сочинял легенду преимущественно (подчеркнуто мною — А. Д.) Васильев, то есть можно предположить, что его молодые друзья, также действующие в легенде, присутствовали при ее сочинении и вносили в повествование кое-какие детали, нюансы и т. п.

Идентичные списки легенды сохранились в личных архивах И. Ю. Крачковского и В. М. Алексеева. Расшифровка имен ее героев зачастую, как увидит читатель, лежит на поверхности, однако в некоторых случаях оказывается достаточно затруднительной.

Пересказ легенды с выдержками и частичным комментарием опубликовала М. В. Баньковская в одной из упомянутых в прим.1 статей ("Народы Азии и Африки", 1985, № 3, с.145-148). Ниже предлагается полный текст по машинописной копии из архива И. Ю. Крачковского (СПБФ РАН, ф.1026, оп.2, № 106, лл.3-13).

История трех трубадуров

Прекрасные дамы и благородные рыцари!

Сейчас вы услышите историю трех трубадуров, о любви и верности их, о добром волшебнике Игнатиусе, о прекрасной, но несчастной Рогнеде Сарацинке, о старом бароне Теодорике "Розовой Горе", о многих других происшествиях, случившихся в то время.

Благородные рыцари и прекрасные дамы! Случилось все это в королевстве старого Бука, неперменного короля и сеньора нашего⁴. Порою, когда обильны бывали казнохранилища его, то королевский герольд Палестинского ордена⁵ разглашал о том, и тогда стекались во множестве маршалы, алхимики, рыцари, трубадуры и другие вассалы, и длинной чередой толпились они там⁶.

А получив щедрые подарки и звеня золотом, разъезжались, умиленные, и громко прославляли сердце старого доброго короля.

Был в том королевстве неприступный замок с угловой комнатой, и по ночам горели там светильники и свечи, и через бойницы с железными решетками видны были мудрые головы, склоненные над пыльными фолиантами⁷.

А владельцем того заколдованного замка был старый барон Теодорик "Розовая Гора", и поистине с честью носил он герб свой с девизом АМ, что означало "Абсолютная Монархия"⁸. Немало и других сеньоров обитало кругом и были друзьями его: добрый волшебник Игнатиус⁹, и королевский сенешал Базилиус Синик¹⁰, и Питер сын Виктора Фламандец¹¹, и святой Никлаус Поппийский¹², проповедник, и жонглер Алексис Ле-Беф¹³, и три трубадура: Дус аух чеveux noirs¹⁴, Бус аух чеveux blonds¹⁵ и Жюль аух чеveux longs¹⁶.

А врагами его были знаменитые рыцари: Леон Ле-Жюив¹⁷, владелец соседнего замка, и еще один, который всеу имя Божие в свое прозвище вставил и ходивший с мешком, дабы собирать в него дань с окрестных хижин¹⁸, и придворный шут Мартинус¹⁹, прозванный Критином, потому что бывал он не раз на острове Крите в Крестовый поход, и злой волшебник Бородатый Ольд, Тамплиер²⁰, и еще один, ни знатностью рода, ни благородством сердца не прославленный, а приобретший титул злыми чарами и основавший орден и назвавший его "Фа", но что это значило, никто не знал, кроме него самого²¹. Привольно жилось в замке старого мудрого Теодорика, а по временам доносился оттуда запах неведомый, и тогда выезжали из ворот некие рыцари с сосудами, в которых переливалась таинственная влага жизни и света незримого, но секрет ее приготовления охранялся верными латниками, а родом они были из Остготии²².

И случилось однажды, что устроен был пир, на котором решил королевский совет наградить доброго волшебника Игнатиуса придворным саном²³. И съехалось на тот пир немало рыцарей и сеньоров, и послан был за яствами в соседние земли один из трубадуров, ибо, хотя и привольно жилось в королевстве старого Бука, но жили все данью соседних стран, а платили ту дань столь гордо, что порою трудно бывало решить, кто из двух сеньор, а кто вассал²⁴. Итак, послан был трубадур, и приобретя обильные яства, явился он с ними, и начался тогда пир в старинном замке.

Вставали и клялись престарелые феодалы чтить отныне доброго волшебника Игнатиуса, сам король улыбался ему и не пререкался с сенешалом, как то полагалось по закону²⁵, и было весело, и звенели бокалы, и огромные горы пирогов высились перед каждым, и было пищи так много и в таком изобилии, а в особенности питья, что трижды пажи меняли влагу в сосудах и трижды гости осушали их.

Все были веселы, один лишь Дус aux cheveux noirs, трубадур, молчал и не пел сладкогласных стихов, не бряцал на лире. А было это не потому, что напротив него сидел страшный Ольд Бородатый, а потому, что нечистая любовь проникла в его душу.

Слушайте, внимательно слушайте, благородные рыцари и прекрасные дамы о том, что случилось с ним.

Когда догорели праздничные светильники и факелы, а король и старый барон разошлись по опочивальням, он ушел с трубадуром Бусом aux cheveux blancs и рассказал ему историю любви своей к Рогнеде-сарацинке²⁶, той самой, что была вывезена добрым волшебником Игнатиусом в Крестовый поход и что не имела ни роду, ни племени, но изяществом и учтивостью манер своих поражала сердца многих. И пав на колени, клялся, что любит ее ужасно, но просил сохранять это в тайне и после того расстался с другом своим, поцеловав его, ибо был он набожен.

Но когда пришел он в роскошный замок отца своего, то рассказал сестре своей, правдивой Елене-художнице²⁷, о любви своей и, пав на колени, поклялся, что любит Рогнеду-сарацинку ужасно, и просил сохранить это в тайне.

О том же рассказал он и всем другим, и, падая на колени, клялся, что любит Рогнеду-сарацинку ужасно, но просил сохранить это в тайне, и тайна хранилась всеми.

И случилось однажды, что рассказал он о том же и Питеру-фламандцу, но никто не знал, что давно уже пылало страстью одинокое сердце Питера, сына Виктора, к прекрасной Рогнеде-сарацинке.

И задумал фламандец ужасную месть, но что из этого вышло, вы узнаете далее, а сейчас, благородные рыцари и

прекрасные дамы, выслушайте рассказ о том, как любил трубадур Жюль аух cheveux longs обольстительную Евгению, дочь Максима-целителя²⁸.

Случилось однажды, что настала зима во владениях старого Бука, неперемного короля, и от стужи в страхе бежали из замка барона многие из вассалов его, даже сам он, получив ножную рану во время сбора дани, отныне с трудом высиживал в замке и отдал приказ с разрешения королевского закрыть временно замок и поднять висячие мосты, оставив лишь тайный ход, известный немногим²⁹.

Но прежде чем начать трогательную повесть о влюбленных, да будет известно вам, о рыцари и дамы, что барон Теодорик "Розовая Гора" получил ту ножную рану самым коварным образом, а виною тому были франкские дары³⁰, что в щедрости присылали далекие данники могучего короля старого Бука, потому что не было никого, кто бы не любил старого короля Бука. Но коварство таили сердца их, и вот что случилось.

Из числа дани посланы были доброму Теодорику две пары лучших франкских сапог для охоты и верховой езды, и обрадованный барон тотчас надел их. Но, горе. Коварные франки весьма искусно сделали те сапоги [такими] жесткими, что в тот же день и час распухла нога у старого барона и открылись на ней злоеущие язвы, и пришлось лечить их, смазывая ақи'ой.

А теперь вернемся к нашему повествованию о любви Жюля-трубадура к Евгении, дочери Максима.

Настала зима, и замерзли реки, колодцы и источники повсюду, так что приходилось не только вассалам, но и сеньорам их носить воду, добывая из низменных мест³¹.

Однажды, резвясь по обыкновению, переходил замерзший поток юный трубадур Жюль аух cheveux longs, одетый в щегольскую епанчу, отороченную соболями, и небрежно играя драгоценной тростью³².

И вдруг увидел он, как навстречу ему, с другого берега, спускалась некая дама, стройная и высокая как пихта, подерживая рукою шлейф. И, проходя, улыбнулась она ему и тогда он узнал в ней Евгению, дочь Максима-целителя, и вспыхнули сердца их, и от жара сердец растаял лед вокруг них, и принуждены они были искать спасения в замке старого барона, и долго не могла замерзнуть вновь растопившаяся река.

Вот что случилось в ту жестокую зиму, но было и еще одно происшествие, а потому выслушайте и о нем, благородные рыцари и прекрасные дамы, историю трубадура Буса аух cheveux blonds и о жонглере Alexis'e le Bœuf'e.

Неизвестно откуда пришел тот жонглер, но обладал он великим искусством бряцать на лире и плясать на канате, днем и ночью, не зная усталости, и хотя сам жонглер клялся, что он из рода Ле-Бефов, однако неумолчно гремели слухи, что в детстве был он учеником тамплиера Ольда Бородатого³³, а всем известно, чем занимаются тамплиеры.

И обладал тот Алексис, жонглер, поистине чудодейственной силою, а встречаясь с кем-либо, тотчас останавливал того и спрашивал: "В каком часу Вы думали обо мне, монсеньор?"³⁴ И от этого стали все о нем думать много.

И другие чудеса случались иногда... Так, однажды сидели в ленном замке своем трубадур Дус аух шеveux noirs, сестра его прекрасная Елена-художница и трубадур Бус аух шеveux blonds, как вдруг затрепетало в углу рождественское дерево и напал на всех ужас, потому что поняли они, что это вероломный Ле-Беф насылает чары, и послали за святым Николаусом Поппийским, и три дня изгонял он бесов из жонглера, но изгнать не смог.

Тогда вызвался Бус, трубадур, раскрыть тайну жонглера Ле-Бефа, и благословили его на подвиг трубадур Дус и сестра его Елена-художница, и отправился Бус, трубадур, к Ле-Бефу, и сказал ему Ле-Беф, что был он, действительно, в детстве учеником тамплиера, Бородатого Ольда, а потом морским пиратом, но что теперь он забыл уже дьявольское искусство свое и хочет только вести веселую жизнь, плясать, играть и наслаждаться сарацинками и сарацинской речью, ибо от рождения было у него пристрастие к ним. Обрадовался Бус-трубадур и послал его за море к знаменитому полонскому королю Владиславу, а был тот король мудр и сед, но не обладал речью и объяснялся знаками, зато имел он королевскую академию, именуемую на полабском языке Пижвя³⁵, и процветали в ней ремесла языков разных, в особенности же Синских и Сарацинских, но что из этого вышло — вы узнаете далее, благородные рыцари и прекрасные дамы, теперь же вернемся к тому, что случилось в замке барона Теодорика "Розовая Гора".

Вы помните, что коварный Питер-фламандец, мучимый ревностью, готовил страшную месть... и вот как это было. Обладал тот Питер, сын Виктора, дьявольскими познаниями эллинских прелестей и привлек он ими сердце робкой Рогнеды-сарацинки, и проклял за то ее добрый волшебник Игнатиус, и отступился от нее трубадур Дус аух шеveux noirs, и, лишенная разума, пораженная недугом, с той поры бродила она с устремленными вкось взорами очей своих, и злорадствовал коварный Питер-фламандец, глядя на дело рук своих и, всходя на сторожевую башню свою, писал там каббалистические знаки и занимался астрологией.

Но не только с Дусом-трубадуром случилась подобное, но и Жюль aux cheveux longs разбил свое сердце...

Однажды услышал о преступной любви его (преступной — ибо оба влюбленных принадлежали к одному роду) услышал великий сенешал Базилиус Синик и призвав трубадура в свой утесистый замок, так сказал ему: "Дитя мое. Отрекитесь"³⁷. Но, потупив голову, молчал преступный трубадур. Тогда в гневе вскочил сенешал, но нежданно великая боль охватила его лоно³⁸ и, со стоном упав на кресло, прошептал он жалобно:

— Дитя мое. Отрекитесь...

И отрекся легкомысленный трубадур Жюль, но тайно продолжал хранить любовь свою, а кроме того вступил в торговое братство и стал поддерживать ересь блаженного Тихона³⁹, и встревожены тем были и сенешал Базилиус, и названный брат его Бус aux cheveux blancs, и духовник его по прозвищу Derrière d'éléphant⁴⁰ и многие другие.

Молчал и скрывал свою тайну Жюль-трубадур и с тех пор стал он бледен, мрачен и тих, а потом постригся в монахи-кордильеры, и под сутаной их святость его не подлежала сомнению. Только по ночам из кельи его раздавались иногда как бы возгласы:

"Вкруг себя я вижу насажденья:

Лопухи, терновники, пырей...

Впрочем, это не имеет отношенья

К воспитанию души моей"⁴¹.

А было это потому, что писал он стихи примерно, а кроме того собирались еженедельно в келье его горожане, монахини и некоторые из рыцарей — и предавались они тогда бесовским играм⁴², и тогда завешивались окна от взоров непосвященных и бывало страшно от кликов их.

Благородные рыцари и прекрасные дамы. Мне остается теперь кончить рассказ о жонглере Ле-Бефе и о всех других.

Коротка история Ле-Бефа. Королю Владиславу не понравились танцы и игры его, и тогда в горе ушел из Полонии жонглер и стал просить доброго волшебника Игнатиуса учить его сарацинским письменам, и согласился добрый волшебник и учил его, но не догадывался, что Ле-Беф по ночам все еще предавался жонглерскому искусству.

Что касается других, то каждый получил по добродетелям и порокам своим: Никлаус Поппийский вел жизнь смиренную и полную святости. Сенешал Базилиус Синик сакскими письменами занялся и учил тем письменам благородных девиц вместо рукоделия⁴³, а добрый волшебник Игнатиус в уединении воспитывал спасенного им трубадура Дуса⁴⁴, а два других трубадура искушались в премудростях синских.

Прекрасная Елена-художница тихо процветала в замке отца своего и коротала дни за разрисовкой печей⁴⁵.

По-прежнему мирно жил старый барон Теодорик, а с враждебным замком Леона Ле-Жюива были прекращены всякие сношения, но известно было, что весь тот замок впал в ересь "Фа".

Добрый же старый король Бук по-прежнему любим своими вассалами... Любите же и вы его, благородные рыцари и прекрасные дамы...

Комментарии

1. М. В. Баньковская. Малак — литературные вечера востоковедов. 1920-е годы. — Традиционная культура Китая. М., 1983 С 119—126; М. В. Баньковская. "Малая Академия" в Азиатском музее. — Народы Азии и Африки. 1985, № 3, с. 139—152.

2. Существует некоторый разнобой в датировке этого собрания. Дата, указанная В. А. Крачковской, соответствует дневниковой записи И. Ю. Крачковского и, быть может, на ней и основана: "10 января... Завтра предстоит вечеринка в складчину у Эберманов. Очень это хорошо, но к сожалению слишком много народу" (Ф. 1026, оп. 2, № 6, л. 298 об). Однако на сохранившейся в архиве (ф. 1026, оп. 2, № 25, л. 29-30) программке ("Фихрист") этого собрания стоит дата 25 февраля 1922 г., которую и приводит М. В. Баньковская в указанной статье (с. 145). Вероятно, вечеринка по каким-либо причинам была перенесена с января на февраль или же в дневнике И. Ю. Крачковского речь идет о другой вечеринке.

3. При толковании текста легенды я использовала, помимо собственных догадок, подкрепленных в большинстве случаев архивными и справочными материалами, объяснение некоторых имен и фактов, содержащееся в статье М. В. Баньковской (эти примечания, включая самоочевидные, помечены буквами МБ), и комментарий одного из действующих лиц — А. А. Быкова (по легенде Алексис Ле-Беф), записанный в 70-х годах на магнитную пленку, которая была любезно предоставлена мне П. А. Грязневичем, сделавшим эту запись (эти примечания помечены в скобках буквами АБ).

4. Старый Бук — Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934), индолог, Непременный секретарь Российской АН, директор Азиатского музея (МБ).

5. Королевский герольд Палестинского ордена — С. Е. Винер (1860—1923) — гебраист, младший ученый хранитель еврейского рукописного и книжного фонда Азиатского музея. В его обязанности в те годы входила выдача жалованья (АБ).

6. В заметках В. М. Алексеева по поводу порядков Азиатского музея — жалобы на очереди за жалованьем, которые "занимают целый день" (МБ).

7. Непрístupный замок с угловой комнатой — первый этаж дома № 2 в Таможенном переулке, где до 1925 г. помещался Азиатский музей (МБ). Как вспоминает И. Ю. Крачковский, в Азиатском музее "служебное время не было строго регламентировано... Многие в музее работали во вторую половину дня и очень часто засиживались до поздней ночи" (Избр. сочин., т. 1, с. 63).

8. Теодорик "Розовая гора" — Федор Александрович Розенберг (1867—1934), правист, старший ученый хранитель Азиатского музея (МБ). По причине постоянной занятости С. Ф. Ольденбурга общеакадемическими делами в его руках сосредотачивалась "вся будничная работа и повседневная организация" музея (И. Ю. Крачковский. Избр. сочин., т. 1, с. 64).

9. Добрый волшебник Игнатиус — Игнатий Юлианович Крачковский (1883—1951), арабист, заведующий отделом мусульманского Востока Азиатского музея. Прозвище отражает, очевидно, его неизменную доброжелательность и готовность всем помочь.

10. Королевский сенешал Базилиус Синик — Василий Михайлович Алексеев (1881—1951), китаист, второй старший ученый хранитель Азиатского музея, заведующий отделом Дальнего Востока (МБ).

11. Питер-фламандец — Петр Викторович Ернштедт (1890—1966), эфиопист, коптовед и эллинист, научный сотрудник Азиатского музея (МБ), действительно фламандец по происхождению (АБ).

12. Никлаус Поппийский — Николай Николаевич Поппе (1897—?), монголист, научный сотрудник Азиатского музея. Во время Великой Отечественной войны он оказался

А. А. Долинина. Легенда Азиатского музея

на территории оккупированной Калмыкии, а после войны, опасаясь репрессий, навсегда покинул Россию, жил и работал в США.

13. Алексис Ле-Беф — Алексей Андреевич Быков (1896—1977), арабист (МБ), в 1921/22 г. студент Петроградского университета, с 1923 г. научный сотрудник Института Истории материальной культуры РАН.

14. Трубадур Дус — Василий Александрович Эберман (1899—1937), арабист, научный сотрудник Азиатского музея и ИИМК (МБ), прозван "Дус" (от фр. *doux*) за мягкий характер (АБ). В 1930 г. арестован и направлен на строительство Беломорско-Балтийского канала, летом 1933 г. выпущен, а в декабре арестован вновь. Умер в ссылке в 1937 г.

15. Трубадур Бус — Борис Александрович Васильев (1899—1937), китаист, научный сотрудник Азиатского музея. В 1937 г. арестован и расстрелян (МБ).

16. Трубадур Жюль — Юлиан Константинович Щуцкий (1897—1938), китаист, научный сотрудник Азиатского музея. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян (МБ).

17. Леон Ле-Жюив — вероятно, Лев Яковлевич Штернберг (1861—1927), ученый секретарь Музея антропологии и этнографии ("владелец соседнего замка").

18. Вставивший имя Божие в свое прозвище — вероятно, Владимир Германович Богораз (1865—1936), научный сотрудник Музея антропологии и этнографии, часто ездивший в этнографические экспедиции ("собирал дань с окрестных хижин").

19. Придворный шут Мартинус, прозванный Критином — Николай Николаевич Мартинович, тюрколог, не пользовавшийся у коллег большим авторитетом. В 1920-х годах эмигрировал из России навсегда (АБ).

20. Бородатый Ольд, Тамплиер — Василий Владимирович Бартольд (1869—1930), крупнейший историк Ближнего Востока и Средней Азии, научный сотрудник ИИМК (МБ). Злым волшебником прозван, очевидно, за суровость нрава, жесткость и строгость критики; студенты и младшие коллеги его побаивались. Тамплиеры — духовно-рыцарский католический орден, основанный в Иерусалимском королевстве в 1119 г., после первого крестового похода для защиты паломников и местных христиан от мусульман; военная деятельность ордена постепенно стала преобладать над монашеской.

21. Основатель ордена Фа — Николай Яковлевич Марр (1865—1934), кавказовед и лингвист-теоретик, создавший "новое учение о языке", создатель и директор Яфетического института АН СССР (МБ).

22. Сосуды, "в которых переливалась таинственная влага жизни" — бочки с содержимым из выпребных ям; когда их вывозили со двора, запах от них распространялся на весь квартал (АБ). Латники из Остготии — служители Азиатского музея Д. А. Брядов и Е. Д. Зюзин (МБ).

23. В ноябре 1921 г. И. Ю. Крачковский был избран академиком по представлению С. Ф. Ольденбурга, В. В. Бартольда, Н. Я. Марра и П. К. Коковцова (МБ). По этому поводу в Азиатском музее 1 декабря было устроено пиршество (запись в дневнике И. Ю. Крачковского от 17 декабря 1921 г. Ф 1026, оп. 2, № 6, л. 297).

24. "Дань соседних стран" — помощь, присылаемая из-за рубежа, в частности, американской компанией АРА.

25. С. Ф. Ольденбург и В. М. Алексеев часто спорили. В. М. Алексеев вспоминал: "Сергей Федорович допускал всевозможные разногласия, переходившие иногда в тяжелые сцены, как между родными людьми" (МБ).

26. Рогнеда-сарацинка — Рогнеда Леонидовна Эрлих (1901—1930), сокурсница В. А. Эбермана (МБ). В тексте, записанном с голоса А. А. Быкова на магнитную пленку, любовь к Рогнеде названа не "нечистой", а "несчастной".

27. Елена-художница — сестра В. А. Эбермана (МБ); она училась живописи (АБ).

28. Евгения, дочь Максима-целителя — Евгения Максимовна Колпакчи (1902—1952), японистка, в 1921/22 г. студентка Петроградского университета (МБ). Ее отец был известным в Петербурге врачом-венерологом (АБ).

29. Зимы 1920/21 и 1921/22 гг. были очень суровыми, дров для отопления Азиатского музея не хватало, рукописи для сохранности были вывезены в Саратов, работали сотрудники преимущественно дома. Как пишет И. Ю. Крачковский в отчете, "оставаться в помещении музея без вреда для здоровья больше одного-двух часов" было невозможно (оп.2, № 172, л.1).

30. Сапоги, которые достались Ф. А. Розенбергу как подарок от компании АРА, сильно натерли ему ногу (АБ).

31. От холода часто лопались водопроводные трубы, приходилось странствовать с ведром за несколько кварталов в поисках действующего водопровода или колодца. Об этом есть записи в дневнике И. Ю. Крачковского.

32. В холодные зимы Нева промерзала очень глубоко и все переходили ее по льду наискосок (например, от Дворцовой площади к Академии и университету), сокращая путь. К этому пути так привыкали, что молодежь продолжала ходить через реку до самой

весны, когда лед сверху уже подтаивал (может быть, здесь намек на какой-то конкретный случай?).

"Щегольская епанча" трубадура Жюля — на самом деле старый тулуп, из которого торчали клочья меха, а "драгоценная трость" — клюка, на которую он опирался, чтобы не поскользнуться при спуске на лед (АБ).

33. А. А. Быков прекрасно играл на рояле и танцевал. В частности, на упомянутом собрании Малак он играл "Детский уголок" Дебюсси и исполнял (в женском платье и огромных туфлях) пародию на испанский танец из "Раймонды" (в программе это было названо "Мексиканский кабачок"); по его собственным воспоминаниям, он когда-то исполнял в этом танце мужскую партию (АБ). Жонглером (странствующим музыкантом) он мог быть назван и потому, что в начале жизни "странствовал" от профессии к профессии: учился в мореходном училище, потом занялся востоковедением, хотел стать иранистом, учился у В. В. Бартольда, затем сменил иранистику на арабистику; одновременно был статистом в театре.

34. А. А. Быков увлекался в это время телепатией и мистикой, изучал астрономические труды Фламариона (АБ).

35. Полонский король Владислав — Владислав Людвигович Котвич (1872—1944), монголист, первый директор Петроградского института живых восточных языков (ПИ ЖВЯ). По воспоминаниям В. М. Алексеева, он имел "тоненький, придушенный, как бы насмерть испуганный голос" (МБ), отсюда, очевидно, появилось в легенде: "объяснялся знаками".

36. Подоплека "романа" Дуса и Рогнеды-сараинки: еще будучи студенткой, Р. Л. Эрлих занималась одновременно на классическом отделении Факультета общественных наук (возможно, не без влияния П. В. Эрнштедта). По окончании университета она была принята на работу в Научно-исследовательский институт им. А. Н. Веселовского, существовавший при университете, научным сотрудником II разряда не по арабской, а по античной литературе.

37. Под "преступной любовью" трубадура Жюля и прекрасной Евгении, принадлежащей к одному с ним роду, подразумеваются усиленные занятия Ю. К. Щуцкого в тот период японским языком (АБ). В действительности В. М. Алексеев его занятия японским языком одобрял: в "Записке о научных трудах Ю. К. Щуцкого" он говорит о "необходимости для китайца действительного знания японского языка" и с удовлетворением отмечает, что Щуцкий сумел хорошо им овладеть, так что даже мог этот язык преподавать (В. М. Алексеев. Наука о Востоке. М., 1982, с. 90).

38. В. М. Алексеев страдал приступами ишиаса (АБ).

39. Имеется в виду сотрудничество Ю. К. Щуцкого с издательством "Всемирная литература" (в легенде "торговое братство"), директором которого был писатель А. Н. Тихонов (1880—1956). Для этого издательства Щуцкий готовил тогда антологию китайской лирики VII—IX вв. в собственном стихотворном переводе, возможность которого первоначально вызывала сомнения у многих. В дальнейшем В. М. Алексеев оценил этот перевод очень высоко (В. М. Алексеев, Наука о Востоке, с. 90).

40. Прозвище "Derrière d'éléphant" ("Слоновый зад") было дано иранисту Е. Э. Бертельсу (1890—1957), который во время одной из вечеринок в доме Эбермана сел на пирог, стоявший под покрывком на табурете (АБ).

41. Пародия на переводы средневековой китайской лирики, которыми, как упоминалось в прим. 39, тогда занимался Ю. К. Щуцкий (Антология китайской лирики VII—IX вв. по Р. Х. М-Пб, 1923).

42. Ю. К. Щуцкий в те годы увлекался спиритизмом и с компанией друзей устраивал в своей комнате на ул. Декабристов спиритические сеансы (АБ).

43. В. М. Алексеев с 1919 по 1924 г. состоял зав. кафедрой иностранных языков и преподавал английский в Географическом институте и Государственном институте истории искусств, где студентки были в абсолютном большинстве (МБ).

44. Имеется в виду, что с отходом Р. Л. Эрлих от арабистики В. А. Эберман остался единственным из своего университетского выпуска сотрудником И. Ю. Крачковского.

45. Отцом Е. А. и В. А. Эберманов был известный в Петербурге врач-хирург, владелец нескольких дач в Царском Селе, которые он в 1920 г. передал под здравницу Комиссии по улучшению быта ученых (Кубуч), оставив себе лишь одну дачу, где жил с семьей круглый год (СПбФ Архива РАН, ф. 1026, оп. 11, № 90, л. 13); там часто собиралась Малак. По воспоминаниям А. А. Быкова в доме Эберманов всегда был достаток и было тепло.